

Чжоу Цзыфэй крепко обнимал его через одеяло, долго не роняя ни слова.

Шэнь Цзя в замешательстве поднял голову. Растрёпанные пряди живописно обрамляли его лицо, отчего то казалось совсем крошечным.

Цзыфэй бережно подпёр ладонью эту мягкую, худенькую щёку и тихо спросил:

— Малыш, давай сходим к врачу, а?

— К врачу?..

Заметив, насколько Шэнь Цзя растерян, Цзыфэй смягчил голос ещё сильнее:

— Да. Найдём кого-нибудь опытного, пусть поможет нам...

— Ты считаешь, я сумасшедший?!

Шэнь Цзя закусил губу и резко, больно перебил его.

Он попытался вырваться из объятий, но Цзыфэй тут же удержал его, не дав отстраниться.

— Нет-нет, малыш, я совсем не это имел в виду, я...

Цзыфэй торопливо заперечил, пытаясь успокоить его. Но, проведя ладонью по спине Цзяцзя и ощутив, как выпирают острые позвонки, он проглотил готовые слететь с языка уговоры.

Больше нельзя тянуть.

Он мог быть любимым человеком Шэнь Цзя, его опорой и защитой. Его забота могла на время укрыть любимого от бури, унять приступ, но заменить врача он не мог.

Боль, копившуюся годами, не рассеять простыми заверениями «я люблю тебя» или «я рядом». Шэнь Цзя требовалась профессиональная помощь.

Цзыфэй медленно вдохнул, положил ладони на хрупкие плечи партнёра и, глядя ему прямо в глаза, твёрдо произнёс:

— Шэнь Цзя, на этот раз никто из нас не станет убегать.

Он вытащил из-под одеяла руку Цзяцзя — та, как и следовало ожидать, мелко дрожала.

Накрыв сухой и тёплой ладонью его ледяные пальцы, Цзыфэй с нажимом повторил:

— Посмотри сам: твоё тело больше не справляется. Ему нужно помочь. Мы просто сходим на осмотр. Только обследуемся, хорошо? Спросим у врача, почему ты не можешь нормально поесть, почему пальцы дрожат сами по себе, откуда эта постоянная усталость и боль. Не будем загадывать наперёд. Просто сходим показаться, ладно?

Шэнь Цзя сжался у него на груди, дрожа всем телом.

— Ты думаешь, я ненормальный? Считаешь меня обузой? — прошептал он поблекшими губами.
— Поэтому хочешь спихнуть меня врачам? Как... как тогда...

Он вскинул голову. Испуганный, с широко распахнутыми глазами, он сбивался и заикался, изо всех сил сжимая руку Цзыфэя, словно боялся, что его бросят прямо сейчас.

— Как та пара, которую мы видели в больнице... Тебе надоело со мной возиться, и ты...

Горячие губы накрыли его рот, заглушая отчаянные слова. Шэнь Цзя тихо вскрикнул и невольно прильнул к нему ближе.

Чужое тепло и сила мгновенно вытеснили все мысли. Он зажмурился, покорно отдаваясь поцелую.

И даже не догадывался, что Цзыфэй не закрывал глаз — он смотрел на него с бесконечной, разрывающей сердце жалостью.

Когда они наконец отстранились, Цзыфэй провёл большим пальцем по его влажным, покрасневшим губам и глухо произнёс:

— Я не бросаю тебя. Мне просто страшно.

— С-страшно?..

Дыхание Цзяцзя ещё не восстановилось. Он снизу вверх смотрел на любимого влажными глазами, а на щеках проступил лихорадочный румянец — слишком яркий на бледной коже, придающий ему болезненный вид.

Цзыфэй снова притянул его к себе, погладил по длинным волосам и уткнулся лицом в его шею, пряча собственные глаза: только убедившись, что Цзяцзя не увидит его слабости, он решился

продолжить.

— Да. Боюсь, что не справлюсь, не смогу дать тебе то, что нужно. Боюсь, что тебе больно... — Он запнулся и с трудом выговорил: — А больше всего боюсь, что ты снова решишь сделать то же, что сегодня... А я просто не успею прибежать.

Под конец голос Цзыфэя сорвался, в глазах закипели слёзы, но он быстро моргнул, загоня слабость глубоко внутрь.

Ослабив хватку, он заставил себя улыбнуться, привычно приподнял бровь и ласково потормошил Цзяцзя за щёки.

— Малыш, ты даже не представляешь, как сильно я тебя люблю. Мне каждую секунду хочется держать тебя за руку. Как ты можешь быть в обузу? Ты же как котёнок — мягкий, послушный...

Цзыфэй наклонился, коснулся своим носом его носа и лукаво прищурился:

— Твой Муж с радостью будет за тобой ухаживать. И в постели, и вне её.

Шэнь Цзя мгновенно вспыхнул, смущённо отвернулся и, сильнее сжав пальцами одеяло, прошептал:

— Врёшь ты всё.

— Это в чём же я вру?

Цзыфэй забрался рукой под одеяло, тихо усмехнулся и слегка щипнул его за мягкий бок:

— А кто только что напруднил на своего мужа, как маленькая кошечка? Не я ли потом всё убирал?

Щёки Шэнь Цзя пылали так, словно коснулись огня. Он вскинул руку и закрыл Цзыфэю рот:

— Замолчи! Ты всё придумываешь!

Цзыфэй лишь увлёк его к себе и поцеловал прямо в горячую ладонь.

Цзяцзя попытался оттолкнуть его, но чужая грудь была твёрдой, точно каменная плита, — сколько ни жми, с места не сдвинешь.

— Ладно-ладно, я придумываю, — сдался Цзыфэй.

Он подхватил барахтающегося Цзяцзя, усадил к себе на колени, обнял сзади и уткнулся носом в его затылок.

— Поедем к врачу, сокровище. Пусть он научит меня правильно понимать твои слова. И покажет тебе, как сделать так, чтобы ни телу, ни душе больше не было так больно.

Услышав это, Шэнь Цзя замер. Тёплое дыхание Цзыфэй щекотало шею.

«Разве врач сможет всё исправить?»

Моя жизнь уже давно разлетелась на осколки. Неужели их правда можно собрать воедино — так, чтобы я мог просто и спокойно любить Цзыфэй?»

Цзяцзя опустил глаза, длинные ресницы отбросили тень на бледное лицо.

Затем он медленно накрыл своей ладонью руку Цзыфэй, обнимавшую его за талию.

Он двигался осторожно, ощупывая каждый сустав, точно проверяя, здесь ли ещё его любимый. Цзыфэй тут же раскрыл ладонь, переплёл свои пальцы с его и крепко сжал.

Шэнь Цзя долго смотрел на их соединённые руки и наконец едва слышно произнёс:

— Хорошо.

Но тут же осёкся и неуверенно добавил:

— А если... если я и правда болен? Если врач скажет, что это неизлечимо?..

— Значит, будем лечить. Твой муж будет рядом, сколько бы времени это ни заняло.

Уверенный голос Цзыфэй прозвучал над самым ухом, привычно даруя чувство безопасности.

Обещание было нерушимым, но в душе Шэнь Цзя лишь сильнее заскребла горечь.

«Если я правда безнадежен... брось меня. Уходи быстрее, не трать на меня свою жизнь».

Но, глядя на то, как просветлело лицо Цзыфэй, Цзяцзя не решился произнести эти слова вслух.

У него просто не хватило духу разрушить чужую надежду.

Цзыфэй сейчас меньше всего хотел слушать его отчаянные мысли.

И Шэнь Цзя мысленно убрал это подписанное в одиночку «соглашение о капитуляции» подальше, решив предъявить его лишь тогда, когда прозвучит окончательный приговор.

— Поцелуй меня ещё...

Запрокинув голову и заглушая вьевшуюся в душу тоску, Цзяцзя гнусавым от подступающих слёз голосом попросил о новом поцелуе.

Возможно, скоро им действительно придётся расстаться навсегда.

И каждый поцелуй сегодня может оказаться последним.

Вдыхая родной, ни с чем не сравнимый запах Цзыфэй, Шэнь Цзя закрыл глаза, загоня жгучие слёзы обратно.

Согласившись на визит к врачу, Шэнь Цзя дал Цзыфэй возможность быстро записаться на приём. Но накануне назначенного дня его вновь одолели сомнения.

— Обязательно брать отгул? Разве нельзя подождать до выходных? — спросил он, выходя из ванной и медленно подходя к Цзыфэй.

Тот явно ожидал подобного вопроса. Достав фен, Цзыфэй принялся сушить его волосы, бережно массируя пальцами кожу головы:

— Малыш, я знаю, как ты любишь детей и как не хочешь пропускать работу. Но посмотри на себя: у тебя дрожат руки, ты почти не ешь и совсем плохо спишь.

Убедившись, что пряди полностью высохли, Цзыфэй опустил на корточки перед креслом и накрыл его ладони, лежащие на коленях:

— Чтобы возиться с малышами, нужны силы и здоровые нервы. Сначала приведём себя в порядок, и только потом, полные сил, вернёмся к ним. Согласен?

Шэнь Цзя неопределённо буркнул. В глубине души он понимал, что в нынешнем состоянии ему действительно не стоит появляться в детском саду.

Дети чуткие: они моментально уловят его подавленность, переймут тревогу... Ему нельзя приходить к ним таким.

И всё же он безумно нервничал. Что скажет доктор? Как Цзыфэй отреагирует на диагноз?

Тревога нарастала, перерастая в липкий страх: от одной мысли о завтрашнем визите тело билось в мелкой дрожи, а по спине катился холодный пот.

— Не бойся. Завтра мы просто поговорим с человеком. Ничего страшного не произойдёт.

Цзыфэй мгновенно уловил его панику. Поднявшись, он сгрёб Цзяцзя в объятия и стал ласково поглаживать его по вздрагивающей спине.

Цзяцзя тяжело, прерывисто дышал, судорожно вцепившись в край его футболки. Холодный пот с его лба мгновенно пропитал ткань у Цзыфэй на груди.

— Всё хорошо, я с тобой... Не бойся, ничего не бойся...

Пальцы Цзыфэй скользили по длинным шёлковым прядям. Голос звучал убаюкивающе и мягко:

— Кстати, малыш, у тебя уже такие длинные волосы. Может, завтра зайдём в парикмахерскую?

Он намеренно перевёл тему, пытаясь отвлечь его от мрачных мыслей.

Волосы у Шэнь Цзя и правда отросли: раньше они доходили лишь до плеч, а теперь спускались до середины спины. Чёрным шелковистым каскадом они укрывали его худые плечи, отчего со спины он казался совсем хрупкой старшекласницей.

— Нет... Сразу домой.

Шэнь Цзя уткнулся лицом в тёплый живот Цзыфэй и качнул головой.

Квартиру, в которой они сейчас жили, Цзяцзя снял сам после их расставания. Тогда он мечтал лишь об одном — поскорее сбежать из дома, где каждый уголок напоминал о Цзыфэй. Найти удачный вариант с первой попытки казалось везением.

Он и не подозревал, что и прежнее их жильё, и эту квартиру через риелтора Сюя тайком подобрал сам Цзыфэй.

Измученный болезнью Цзяцзя даже не задумывался, как Цзыфэй так легко отыскал его. Возможно, подсознательно он верил: куда бы он ни сбежал, любимый всё равно придёт за ним.

— Хорошо. Посетим врача — и сразу домой.

Цзыфэй кивнул, подхватил его на руки и бережно перенёс на кровать.

— Ну всё, пора спать.

В мягком свете ночника черты лица Цзыфэй казались невероятно красивыми и нежными. Цзяцзя смотрел на него снизу вверх; щёки его залил лёгкий румянец, а бёдра под одеялом невольно сжались.

— Угу...

Смущённо и покорно он потянулся к пуговицам пижамы.

Но в следующую секунду Цзыфэй перехватил его пальцы.

— Малыш, «спать» — значит просто закрыть глаза и отдыхать.

Голос Цзыфэй вибрировал от сдерживаемого смеха. Приподняв бровь, он погладил подушечкой пальца тыльную сторону его ладони.

Шэнь Цзя оцепенел. В следующее мгновение волна стыда и досады ударила в голову — он готов был сгореть на месте.

Резко выдернув руку, он натянул одеяло до самого подбородка, демонстративно отвернулся к стене и затих.

Обиделся всерьёз.

Цзыфэй с улыбкой присел на край матраса, развернул этот живой «рулет» к себе и сдёрнул одеяло с его лица:

— Завтра важный день. Тебе нужно выспаться, так что никаких шалостей.

Костяшкой пальца он слегка задел его пылающую щёку.

Затем наклонился ниже и прошептал прямо в губы:

— Вот вернёмся от доктора — и твой муж выполнит любые твои капризы, идёт?

Горячее дыхание обожгло кожу. Гнев в глазах Шэнь Цзя растаял, уступив место влажному, умоляющему взгляду.

— А сегодня... Совсем чуть-чуть... Тоже нельзя?..

Когда всё закончилось, Цзыфэй отнёс размякшего, влажного Цзяцзя в ванную, чтобы смыть следы страсти. Но даже под душем тот не желал утихомириваться.

— Муж... ну пожалуйста...

— Нет.

Цзыфэй мягко шлёпнул его по тянущейся ручонке, но Цзяцзя не отступал.

Мысли о завтрашнем визите не давали ему покоя. Лишь в моменты дикого, всепоглощающего удовольствия в руках Цзыфэй он мог забыть обо всём на свете.

Ему безумно, до судорог нужна была эта разрядка. Он хотел, чтобы Цзыфэй брал его грубее, ненасытнее, до полной измождённости — чтобы в голове не осталось ни единой мысли.

Но Цзыфэй упёрся. Даже тот единственный раз он ласкал его с невыносимой, размеренной нежностью.

— Ы-ы...

Шэнь Цзя не выдержал и расплакался. Он ненавидел себя за эту плаксивость, не понимал, что с ним происходит, но глухая обида и отчаяние снова накатили на него без всякой причины.

— Почему нельзя? Опять нельзя?! — всхлипывал он. — Ты... ты просто брезгуешь мной? Я опять обуза?!

Чем дольше он говорил, тем сильнее паниковал. Сидя в тёплой воде, он мёртвой хваткой вцепился в шею Цзыфэй, а слёзы смешивались с капельками пара.

— Не хочу я к врачу! Никуда не пойду! Если не затрахаеть меня — я не поранюсь и никуда не пойду!

Цзыфэй тяжело вздохнул. Они любовничали вчера допоздна, едва перевели дух днём, на теле Цзяцзя всё ещё алели засосы, а он снова требовал продолжения.

При его истощении, когда он от любого сквозняка мог слечь, а талию можно было обхватить одной ладонью, продолжать марафон было опасным безумием. Цзыфэй и сам сгорал от желания, но искренне боялся за его здоровье.

— Тише, глупенький... Никто тобой не брезгует. Я просто боюсь за тебя...

Цзыфэй весь взмок от напряжения: одной рукой удерживал Цзяцзя, чтобы тот не поскользнулся в ванной, а другой уворачивался от его чересчур настойчивых ладоней.

— Послушай меня, сокровище, давай перенесём всё на завтра? Уж поздно, тебе пора отдыхать...

Слова застряли у него в горле.

Шэнь Цзя выкинул штуку, которой Цзыфэй от него никак не ожидал.

Цзыфэй ощутил невероятную, влажную мягкость.

Пылая от смущения, Цзяцзя упёрся руками в борта ванной и подался вперёд.

Его бёдра крепко обжали руку Цзыфэй.

Мускулы на руках Цзыфэй мгновенно натянулись, вздулись синие вены, пальцы чуть заметно задрожали.

— Брат... ну пожалуйста... выеби меня...

Слово, которое раньше Цзыфэй вытягивал из него с боем, прозвучало из уст Цзяцзя так сладко, плачевно и отчаянно, что у Цзыфэй в голове словно вспыхнул пороховой погреб.

Шэнь Цзя с трепетом и стыдом ждал ответа. Но в следующее мгновение вода взметнулась брызгами — и его грудь прижали к холодному кафелю стены.

— Завтра надо будет обязательно спросить врача и об этом тоже, — раздался за спиной хриплый, натянутый до предела голос Цзыфэй.

— О чём?..

Сердце Цзяцзя забилось как сумасшедшее — он предчувствовал, какую бесстыдную пошлость сейчас услышит.

— Спросим... откуда у тебя эта привычка задирать хвостик и тереться дырочкой о своего мужа.

Цзяцзя сладостно охнул и, точно похваленный котёнок, лишь прогнулся сильнее, подставляясь под жёсткие ласки.

Цзыфэй зачерпнул воду и плеснул ему на лицо.

— Сокровище, чувствуешь? Вся вода в ванной уже пропахла тобой.

— Н-нет тут никакого запаха... — пытаюсь сохранить хоть каплю достоинства, пролепетал Цзяцзя.

Цзыфэй тихо хохотнул, сжал пальцами его затылок и припал к самому уху:

— Ещё как есть. Пахнет твоей сладенькой попкой...

Снова эти непристойные, пьянящие слова!

Цзяцзя хотел возразить, но от этого сочного бесстыдства всё внутри него затрепетало. В эту минуту он и впрямь чувствовал себя маленьким зверьком, которого в душной ванной подмял под себя огромный, сильный самец.

Хотя нет...

Тут же, теряя сознание от дикой истомы, он подумал, что Цзыфэй похож не на кота, а на лютого, ненасытного волка.

С острыми клыками, обжигающим телом и неутомимой, сокрушительной силой.

Шэнь Цзя наконец заснул.

Цзыфэй подхватил обмякшее тело, досуха вытер его полотенцем и снова перенёс на кровать.

Едва голова Цзяцзя касалась подушки, как он во сне принимался искать руками вторую половину кровати и невнятно бормотать, требуя объятий.

Цзыфэй щёлкнул его по кончику носа и ласково прошептал:

— Липкий, как рисовый клёц.

Но, прижимая к себе спящего возлюбленного, Цзыфэй тяжело вздохнул.

На самом деле он и сам страшился завтрашнего дня. Что, если болезнь зашла слишком далеко? От одной этой мысли у Цзыфэй щипало в носу. Ему хотелось сжать Цзяцзя так крепко, чтобы врасти в него, укрыть от любого зла, не подпустить к нему больше ни единой беды.

Тяжёлые думы прогнали сон.

Ночь вступала в свои права. Цзяцзя тихо и ровно дышал ему в грудь, и это дыхание, точно лёгкое пёрышко, гладило сердце Цзыфэй.

А тот до самого рассвета не спускал глаз с его бледного лица.

— Малыш, ты готов? Пора выходить! — донёсся из коридора голос Цзыфэй.

Шэнь Цзя открутил кран и плеснул в лицо ледяной водой.

«Всё в порядке. Мы просто поговорим. Ничего страшного».

Капли стекали по бровям, скользили по покрасневшим уголкам глаз и капали с острого подбородка.

«Не бойся. Не надо бояться».

Цзяцзя глубоко вдохнул, утёрся полотенцем, взгляделся в своё отражение и, убедившись, что выглядит нормально, повернул дверную ручку.

— Иду...

Цзыфэй с шапкой и шарфом в руках ждал его в прихожей. Увидев бледное лицо Цзяцзя, он ничего не сказал — лишь заботливо надел на него шапку и обмотал шею тёплым шарфом.

— Пойдём. На улице ветрено, не дай бог продует.

Цзыфэй погладил его по щеке и сжал его холодные пальцы в своей тёплой ладони.

Врач, к которому записался Цзыфэй, оказалась женщиной лет пятидесяти. Увидев её, Шэнь Цзя застыл на пороге.

На ней был бежевый вязаный кардиган. Она излучала мягкое, умиротворяющее спокойствие, а в уголках глаз затаились добрые лучики морщинок.

— Здравствуйте! Как добрались? Меня зовут доктор Шэнь. Ну что вы стоите, проходите, присаживайтесь.

Её взгляд скользнул по Цзыфэй и мягко остановился на Цзяцзя. Доктор добродушно улыбнулась.

Эта чисто материнская теплота внезапно всколыхнула в душе Цзяцзя воспоминания о Лу Хэ.

Он инстинктивно подался назад, но Цзыфэй осторожно приобнял его за талию и усадил на диван.

— Шэнь Цзя, верно? — обратилась к нему доктор Шэнь, словно давно знакомая родственница.

Цзяцзя вжался в плечо Цзыфэй. Его руки покорно лежали на коленях, он едва заметно кивнул.

Заметив, как судорожно его пальцы впились в ткань брюк, доктор Шэнь лишь ненадолго задержала взгляд на его руках и продолжала:

— Сначала мы побеседуем все вместе, а потом я попрошу господина Чжоу подождать в коридоре. Мне бы хотелось поговорить с тобой наедине. Ты не против?

Она спрашивала его согласия мягко и без малейшего давления.

Шэнь Цзя взглянул на Цзыфэй. Тот ласково погладил его по голове: «Решай сам, малыш». Только тогда Цзяцзя тихо произнёс:

— Угу...

Доктор Шэнь принялась расспрашивать о том, как они живут в последнее время. Отвечал в основном Цзыфэй, Шэнь Цзя молча сидел рядом.

Кабинет был оформлен в светлых тонах, в углу тихо пощётывал увлажнитель воздуха, пахло ромашкой. Под мерный, убаюкивающий говор Цзяцзя ушёл в себя.

— Что ж, теперь картина мне более-менее понятна. Оставьте нас с Шэнь Цзя наедине, пожалуйста.

Слова доктора заставили Цзяцзя очнуться. Цзыфэй уже поднимался с дивана.

Вспышка паники заставила Цзяцзя вцепиться в его рукав:

— Ты куда?!

— Я буду прямо за дверью, сокровище. Никуда не уйду, — Цзыфэй опустился перед ним на корточки и сжал его холодные пальцы. Переглянувшись с врачом, он добавил: — Если почувствуешь, что больше не хочешь говорить, просто позови. Я сразу же войду. Договорились?

— Обещаешь? — пискнул Цзяцзя, сжимая его руку с отчаянной силой.

— Обещаю, — Цзыфэй сцепил их мизинцы и поцеловал его в костяшки.

Лишь после этого Шэнь Цзя с неохотой разжал пальцы. Цзыфэй вышел и тихо прикрыл за собой дверь.

— Шэнь Цзя, не волнуйся, — мягко произнесла доктор Шэнь, подавшись вперёд. — Здесь ты в абсолютной безопасности. Всё, что ты скажешь, останется между нами. Правильных или неправильных ответов не существует. И ты в любой момент можешь отказаться отвечать.

Цзяцзя поджал губы и плотнее вжался в спинку дивана.

— Всё хорошо. Многие при первом визите так себя чувствуют. Мы просто беседуем. Не бойся, ладно?

Её искренний, обволакивающий голос действовал как бальзам. Острые шипы защиты, которыми оброс Цзяцзя, бессильно увязли в этой мягкой доброте. Напряжённые плечи немного опустились.

Он ещё раз кинул взгляд на закрытую дверь, представил, как за ней стоит Цзыфэй и с любовью ждёт его.

— Хорошо.